

ХРАМ

A photograph of a person with dark hair, wearing a light-colored jacket and shorts, sitting on a large, dark, textured rock. The person is looking down and to the right. The background is a dense forest of green trees under a bright, overcast sky. The overall mood is contemplative and serene.

Качанова Н.А.

**Качанова Наталья
Анатольевна**

ХРАМ

1-е издание
Минск, 2010

www.infodao.net
полный спектр возможностей
максимум ярких впечатлений

Здесь животные любят, как люди... А люди живут, как звери... И чтобы выбраться наверх, здесь нужно спуститься вниз.

Здесь сон – всего лишь продолжение дня, а замкнутое пространство – лучшее место для обретения свободы. Но даже если все меняется местами, то это никого не смущает. Потому что это – мелочи, а все заняты главным: они строят Храм. Из того, во что верят...

Фото автора: Войнов Егор ega.photoclub.by
Фото обложки и оформление: Скибенко Игорь
www.isigma.info

Copyright © Качанова Н.А. Храм. Издание 1-е, Минск, 2010

*Всем, кто любит,
посвящается...*

ОТ АВТОРА: Спасибо Вам, что вы решили прочесть эту книгу!

Тексты этих книг вот уже год приходят спонтанно. Мне остается быть только внимательным слушателем диалогов героев и наблюдать за тем, как разворачиваются события. Я, безусловно, затрачиваю усилия и время, чтобы перенести происходящее на бумагу и в электронную форму. Но чудо зачатия и рождения каждой книги остается за пределом моего интеллектуального понимания и участия.

Все началось с Тибета... и с вопроса, который для меня был тогда жизненно важен. Как получается, что разные люди с разными задачами, разными путями их реализации и разной скоростью встречаются и расстаются, творят вместе и по отдельности, ненавидят, восхищаются, предают и любят – и все это сплетается в единый великолепный и совершенный ковер реальности?

Первая книга – «Лифтер» - была написана именно в Тибете. Я перечитывала главы,

редактируя ошибки и описки, и поражалась тому, как увлекательно и понятно можно ответить на мой вопрос. Я думала, что на этом все закончится...

Творчество продолжается. У меня есть предположение: реальность настолько многогранна, что ее нельзя описать только одной книгой-метафорой. Под разным углом зрения, из другого состояния каждая грань рождает свои уникальные образы.

Я получаю много отзывов, в которых вы описываете свои переживания и озарения после прочтения книг. Книги бесплатны – в знак благодарности за возможность созидания. Вы можете усилить этот поток созидания одним из этих простых способов:

- ✿ Перешлите книгу другу
- ✿ Напишите развернутый отзыв на мой e-mail: nkachanova@gmail.com
- ✿ Из глубины сердца скажите миру «СПАСИБО!»

*С уважением,
Качанова Наталья*

ХРАМ

- *Мама! А волки умеют любить?*

- *Волки? А кто такие волки?*

- *Животные.*

- *Животные – не умеют.*

Через несколько минут 5-летняя девочка снова обращается к маме:

- *Мама! А почему ты не спросила у меня, что такое «любить»?..*

(Из разговора мамы и дочери на детской площадке)

Я люблю осенний лес. Он пахнет сыростью, прелой листвой и грибами. Я иду с лукошком, именно с лукошком, - терпеть не могу пластиковые ведра в руках у грибников. Выглядит так, будто они шли по огороду, но по чьей-то злой шутке оказались в лесу. Вот и собирают грибы вместо огурцов. Рефлекс-то остался... и ведра. Глупо с пустыми возвращаться на дачу. Про полиэтиленовые пакеты – не будем. Складывать туда грибы – кощунство. Поэтому я – с лукошком. И грибы в нем хоть и срезанные, но живые и веселые. Как дети в пионерлагере перед отбоем: уже лежат в постелях, но все еще не могут уgomониться, перешептываются, хихикают...

Я люблю осенний лес. Он меня успокаивает и настраивает на благостное и терпимое ко всем состояние. А этой осенью оно для меня актуально как никогда. Развод, особенно первый, не дается легко. Особенно, если

уходишь сам, «бросая» по выражению соседок двух девчонок трех и пяти лет. Особенно, если на это нет явных причин. Даже судья долго пыталась выудить из меня достойный мотив. Ничего. Я откровенно не понимал, почему моя фраза: «Ну, не люблю я ее больше» - была недостаточным условием для развода. И тогда вступилась жена, за что я ей очень благодарен. «Разведите нас», - эта фраза, наполненная усталостью и смирением, оказалась самым весомым аргументом. Нас развели.

И теперь я живу у родителей, хотя слишком взрослый, чтобы повторять детские уроки послушания. Тогда почему у родителей? Потому что машину я оставил жене: ей так удобнее. Она отвозит малышей в детский сад и успевает на работу. По квартире и нажитому добру я не скучаю, а вот по машине...

Поэтому и решил, что тратить деньги на

съемную квартиру сейчас роскошь. Год тесноты и обоюдных обид у родителей – и автомобиль в собственности.

Но сегодня с утра у меня возникло ощущение, что не стоит оно того. Мать с каждым днем все настойчивей интересовалась моим заработком и намекала, что пора бы отдавать его в «общий котел». Про общий она лукавила: котел был лично ее, куда отец ежемесячно складывал все до копейки.

Я не вникал в утреннюю речь мамы, откусывая кусок бутерброда и тщательно пережевывая его. Я не дослушал последовавшие за этой речью упреки и, глянув мельком на осунувшегося отца, хлопнул дверью.

Вошел в метро и через полчаса был на вокзале. Еще вчера я запланировал эту поездку в лес. Он меня успокаивает. Но я люблю его не только за это...

Мои недавние воспоминания прервал стук дятла. Вот уж точно, птица головой на пропитание зарабатывает. Я изменил направление и решил глянуть на красноголового трудягу. Шел недолго. Большие кусты были последним препятствием, я с усилием продрался сквозь переплетенные между собою ветки и вывалился на поляну.

На невысокой стремянке, рядом с большим деревом, стучал молотком мужчина, одетый в домотканую льняную рубаху и такие же штаны. На его ногах были лапти, сплетенные из бересты. Прямо киношный персонаж! Было не понятно, что именно он сооружает, но по работе молотка чувствовалось – на века.

- Опа! – сказал я от удивления. – А я думал, что дятел.

- А я думал, что лось, - не отрываясь от своей работы, в моем же тоне ответил мужчина.

Я немного напрягся, но решил, что «лось» - не «козел», обижаться не на что. И расслабился.

Когда мужчина повернул голову, стало ясно, что ему больше лет, чем я предполагал по его крепкой фигуре. Внешность мужчины была колоритная - настоящий славянский мужик лет пятидесяти пяти. А в глазах какая-то дедовская мудрость. Именно это вызывало желание обращаться к нему уважительно и просто – Дед.

Первое, что мне пришло на ум в качестве объяснения подобной встречи, что где-то здесь снимают фильм. А «дед» во время обеденного перерыва занимается декорациями. Но я решил не выдавать свою догадку, а подыграть возможному сценарию:

- Что строишь, дед?
- Храм, - просто ответил он.
- А мне можно? – поинтересовался я.
- Что?

- В Храм?

- В Храм – нельзя, - безапелляционным тоном заявил он. А потом продолжил чуть мягче:

- А строить – можно.

- Из чего строить-то? – уточнил я, оглядевшись вокруг: ни досок, ни инструментов.

- Из того, что есть, - пояснил он.

Я еще с большей внимательностью осмотрелся вокруг в поисках замаскированного от дурного глаза склада со стройматериалами. Ничего!

- Где есть? – в моем голосе слышалось раздражение.

- У тебя, - для него ответ был яснее ясного.

- Так у меня же ничего нет! – и это была абсолютная правда.

- Ну, так и иди себе с миром! – и дед продолжил стучать молотком.

Станный разговор был окончен. Мне

ничего не оставалось, как пойти по своим делам.

Я шел по осеннему лесу, а навстречу мне бежала девочка пяти-шести лет. Она покраснела от бега. Обычный ребенок, но на меня она произвела странное впечатление: льняное платье с вышивкой крестиком, платочек на голове, с деревенским костюмом 19-го века спорили только современные босоножки. Обеими руками она прижимала к груди дощечку.

- Девочка, ты куда бежишь?

- Храм строить, - и она махнула головой в сторону звуков «дятла».

«Даже у ребенка есть что-то для храма! А у меня - ничего», - с досадой подумал я. И уже через пару секунд летел вниз, инстинктивно прижав руками лукошко к телу.

Падение оказалось на удивление мягким. Тело во время полета немного поменяло угол, и я приземлился на бок. На несколько секунд

у меня перехватило дыхание, но быстро восстановилось. Первым делом я проверил сохранность конечностей: руки-ноги целы. Я поднял голову и даже присвистнул: минимум три этажа. Спасла размягченная дождями земля и ворох сухих прелых листьев. Если кто-то вырыл ямку на зверя, то явно перестарался. Но спасибо, что кольев не наставил. От этой мысли меня передернуло.

«Спокойно, без паники, - сказал я себе. – Пора выбираться отсюда». И сразу после этих слов запаниковал.

Стены ямы были гладкими, но не твердыми. Земля отваливалась мягкими кусками. И вместо героического подъема я стал даже не звать на помощь, а орать из ямы. Я кричал в надежде, что меня услышит дед. Он, хотя и в возрасте, но со слухом, на мой взгляд, должно быть все в порядке.

Не помню, сколько это длилось, но через некоторое время на краю моей новоявленной

«тюрьмы» появилась девочка и закричала: «Деда, он тут!» Пару минут, и на меня смотрели 2 пары глаз: мудрые - с прищуром и молодые - с любопытством.

- Мне бы лестницу, - как можно более спокойным голосом проговорил я, но с просящей интонацией.

- Лестницу строить надо, - наставительно произнес Дед.

- А долго?

- Ну, Иоанн Лествичник свою лестницу на небеса сорок лет мастерил, а потом еще двадцать лет описывал, - разъяснил мне Дед возможную перспективу.

- А, может, без описания? – начал торговаться я. – И мне не на небеса. Мне на землю.

- Тебе, чтоб на землю попасть, только через небеса дорога, - покачал головой Дед.

- И что мне делать? – не унимался я.

- Дядя, а ты грибочки почисти! – крикнула

девочка.

- Она что, издевается? – уточнил я у Деда.

- Нет, разумную вещь говорит. Ты почистишь, мы на веревке поднимем, в деревню отнесем, мамка ее супец знатный сварит, кашу наваристую с грибами, а внучка тебе принесет подкрепиться, пока ты лестницу строить будешь.

Они не издевались. Они просто жили в иной реальности. Говорили на одном со мной языке, а мыслили по-другому.

- Из чего я лестницу-то сделаю? У меня же ничего нет! – вскричал я в сердцах.

- Из того, во что веришь, - спокойно ответил Дед и скрылся из вида.

- Дядя, а ты грибочки все-таки почисти! – ласково уговаривая меня, сказала девочка и убежала.

Я сел на землю, уставился на лукошко с грибами, потянулся было к нему рукой, а потом отбросил эту идею. И заснул. Потому

что от вопроса к себе: «Во что же я верю?» -
мне стало тошно.

Проснулся я затемно. Полюбовался на звезды, а потом чуть не наложил в штаны. Передо мной сидел волк. Он спокойно смотрел на меня, и что-то в его взгляде не давало мне закричать. Через несколько минут он поднялся, сделал несколько шагов влево и исчез. Я не понял, что это было. Он прошел сквозь землю! Наваждение! Я бросился туда, где исчез волк. И тут же столкнулся с его мордой, торчащей из норы у самой земли. Он оскалил зубы и начал пятиться назад. Наверное, падение что-то изменило в моей голове, потому что я без раздумий воспользовался приглашением волка и полез в нору.

Сначала проход был довольно узким. Я двигался как червяк, растягивая и сужая тело. А сам рисовал картину, как я застряну здесь, умру от голода, и волк с наслаждением приступит к трапезе. Я представлял, как он

съедает меня по частям и гордится гениальной ловушкой для человеческой особи.

Но вскоре лаз стал шире, и, поднатужившись, я кубарем вывалился в небольшую пещеру. По сравнению с ямой она показалась мне уютной и даже благоустроенной.

Волк отряхнулся и направился к бежавшим вприпрыжку навстречу ему волчатам. А я устремился к маленькому озеру-лужице посреди пещеры. Ну, очень хотелось пить! Два-три глотка, и ко мне вернулась способность мыслить трезво. Это заявление, конечно, заслуживает внимания. Особенно, если учесть, что я в гостях у волчьей семьи глубоко под землей.

Волчица грациозно лежала в нише пещеры. Двое волчат смешно топтались по ней, еще двое вертелись около «папы». Волчица несколько раз рыкнула, волк оскалил зубы –

обычная семейная разборка, мне очень знакомо. Но, в отличие от моей семьи, их разборка закончилась мирно. Волк подошел и лизнул волчицу в ухо. Она отвернулась, а потом мягко куснула его за нос. Это был милый ритуал примирения. Возможно, если бы в Загсе во время бракосочетания нас с женой обучили чему-то подобному, мы бы не пришли туда разводиться.

Тем временем волчата подбежали ко мне и начали играть: кто-то тянул за штанину, кто-то кувыркался у моих ног и грыз ботинок. Но как только я присел, чтобы погладить эти пушистые комочки, раздался грозный рык мамы. Я одернул руку, а волчата отбежали к маме. Оно и правильно. Я бы тоже был «против», чтобы с моими дочками заигрывал незнакомец.

Волк пристально посмотрел на меня, и это вызвало мое беспокойство. Неужели настало время ужина? Волк повернулся к своей самке,

что-то обсудил с ней по-семейному, бережно взял волчонка за загривок и принес к моим ногам. Кажется, я получил разрешение на контакт. Я присел и погладил волчонка. Он смешно перевернулся на спину и попытался схватить меня за палец. Я осмелился взять малыша на руки. И как только это знаменательное событие произошло, волк начал толкать меня в противоположный конец пещеры, где я увидел подобие выхода в виде узкой щели. Волк нырнул вперед и до самого выхода на землю сопровождал меня. Подъем был пологий и долгий.

Я вышел из пещеры глубокой ночью без лукошка с грибами, но с волчонком на руках. Волк вывел меня на тропу к электричке и скрылся. Так я и пришел на станцию к рассвету – помятый, грязный, взъерошенный и почему-то счастливый. Так я и проехал в электричке – с серым комочком за пазухой.

Когда мать увидела не только меня, но еще

и мое пушистое приобретение, она воскликнула:

-У тебя и так ничего нет! А ты еще щенка притащил!

- Ошибаетесь, мама, - ответил я, - теперь у меня есть он. - И волчонок зевнул из-за моей пазухи. – Я съезжаю на квартиру.

И я съехал. Черт с ней, с машиной. Свобода дороже.

Наутро к яме подошли Дед с внучкой и заглянули вниз. И, естественно, никого там не обнаружили. Только одинокое лукошко напоминало о моем вчерашнем присутствии в яме.

- Видно, с волком ушел, - вздохнул Дед.

- А с волком не страшно, деда? – спросила девочка.

- С волком – легче. Волк из ямы всегда путь знает. Самому выбираться трудней. И дольше.

Дед снова вздохнул и взял внучку за руку. Она все еще продолжала коситься на яму:

- Деда, а люди разве с волками ладят?

- Нет, внученька, но они похожи: и те, и другие от тоски на луну воют. Только волки в голос, а люди – молча.

И они направились в сторону поляны. Возводить Храм.

Наступила весна. Только сошел снег. Я по обыкновению собирался на прогулку со своим Зверем. Оделся потеплее, так как знал, Зверь любит гулять долго. Соседям я сразу объяснил, что завел собаку особой породы – смесь овчарки и лайки – дружелюбный надежный охранник. И в доме на меня перестали коситься.

Именно в этот день маленькая девочка крикнула:

-Волк! Волк! Мама! Смотри, это волк!

Ее мама отреагировала, судорожно прижав к себе дочку. А я начал по обыкновению объяснять, что это не волк, а помесь лайки с овчаркой, но девочка не понимала:

- Нет, волк! Дядя – волк! Дядя – волк!

Тут уже смутилась мама. И стала утихомиривать дочку:

- Это не волк, это дядя. Он человек. И собака у него породистая.

А ко мне женщина обратилась со словами:

- Извините, посмотрятся ужасов всяких по телевизору. Сейчас даже мультики про вампиров, оборотней и нечисть всякую.

- Ничего страшного, - ответил я, - ребенок есть ребенок.

А сам подумал: «Неужели я так одичал за эту зиму, что даже ребенку понятно – Зверь?» Я смотрел на своего волка, семенящего рядом, и впервые задумался о том, каково ему, рожденному на свободе и для свободы, жить в тесной городской квартире? И почему его отец добровольно отдал сына в другую жизнь? Ведь должен быть в этом какой-то смысл! Иначе это безумный поступок дикого животного. А тот взрослый волк выглядел диким, но не безумным.

Именно в эту ночь мне приснился сон, в котором я гулял по осеннему лесу – молодой и свободный.

Запахи были в несколько раз ярче, зрение обострилось, движения стали скоординированными. Я стал другим, я будто переродился. В каждой клетке своего тела я ощущал кипящую жизнь.

Вдруг я почувствовал наблюдателя где-то повыше своей головы. Я резко остановился и стремительно поднял голову вверх: точно, в ветвях затаилась Рысь. Мы встретились глазами и долго изучали друг друга. А потом Рысь вывела меня из созерцания жестким вопросом:

- Чего уставился?! Иди, куда шел.

Я тут же сообразил, что сплю. Только во сне я мог свободно говорить с Рысью. Я расслабился и решил получать удовольствие от своей ночной галлюцинации.

- А ты кто? – с легким наездом спросил я.

- Я – Рысь. Слепой, что ли? – она огрызалась без злобы, так, для проформы. Как любая порядочная женщина.

- А я кто? – мой вопрос адресовался скорее не ей, а самому себе.

- Ты что, давно в озерную гладь не смотрелся? Ты – волк, – и она немного презрительно фыркнула. Как женщина, к которой клеится никчемный мужчина, нет, скорее, никчемный мужчинок.

Рысь приподнялась и начала удаляться, мягко перепрыгивая с ветки на ветку. Я рванул следом. Рысь была сильной и независимой, и это будило во мне давно забытые охотничьи инстинкты.

- Ты зачем идешь за мной? – она резко остановилась. – У меня дела.

- Я вот спросить хотел. Ты за мной охотилась? Сверху собиралась напасть? – мои вопросы были глуповатыми, но это первое,

что пришло мне в голову из познаний о рыси.

- Глупости! Людские выдумки и преувеличения! Я, к твоему сведению, нападаю из засады. И добираюсь до жертвы в считанные мгновения за счет больших прыжков! – она явно гордилась своим способом охоты.

Я не знал, о чем еще спросить это пушистое дикое создание. А она уходила.

- Рысь, а что мне делать? – спросил я, как только что нанявшийся клерк в огромную корпорацию и потерявшийся в ней.

- То, что делают волки – охотиться!

- А ты куда? – Этим вопросом я окончательно испортил свою репутацию в глазах Рыси.

- Мне тебе письменный ответ дать или устного рапорта достаточно? – совсем человечески съязвила она, сверкнула глазами и скрылась.

Какие это были глаза! Большие, хищные,

дикие! В них читалось обещание погони, борьбы, страсти и еще чего-то. Я уже где-то видел эти глаза... но где?

С этим вопросом я проснулся, посмотрел на часы: восемь утра, воскресенье. Рановато для визита, но я оделся, взял на поводок Зверя и поехал к жене и дочкам. К бывшей жене.

Сердце билось с нарастающей силой, и я волновался как юноша. Взгляд жены, открывающей мне дверь, остудил мой пыл и вернул сердцу привычный спокойный ритм: «Не ее глаза!»

Девочки еще спали. Жена храбрилась, как мокрая курица после дождя, и на мой вопрос: «Как ты?» - немного воинственно ответила: «Прекрасно! Без внимания не остаюсь!» И как-то кривовато улыбнулась.

Я молча смотрел на нее. Пауза затягивалась. Тишина поднимала на поверхность глубокую правду. Губы жены сначала поджались, потом затряслись, и она начала захлеб рассказывать про тяжелую зиму, про одиночество по вечерам,

толкнувшее ее на пару неудачных встреч, которые закончились примитивным сексом и ощущением грязи на утро.

Как только в ее речи образовался достаточный промежуток, я пошел на кухню и заглянул в холодильник: мышь еще не повесилась, но все условия для этого были созданы. Со словами «я скоро» я вышел в магазин, накупил продуктов, взял бутылку вина и вернулся.

Мы сели на кухне друг напротив друга утром в воскресенье. Разлили вино по стаканам (бокалы с утра казались пошлыми и не к месту) и заговорили о жизни.

Мы не трогали отношения – чего теревить труп? Мы говорили как два человека – об общем и наболевшем: мужчинах и женщинах, детях, родителях, одиночестве и свободе.

Мы были похожи на двух счастливиц, выживших после катастрофы, уставших, растерянных, потерявших в большом событии

маленькие части себя. Мы знали, что пройдет время и все изменится. Мы станем чужими и немного безразличными к подробностям жизни сидящего человека напротив. Но пока мы отчаянно нуждались друг в друге. Под конец разговора я предложил ей забрать дочек к себе. Чтобы она смогла отдохнуть на курорте, вспомнить молодость. Она радостно блеснула глазами и тут же внесла коррективы:

- Мне бы в деревню. По лесу погулять, воздухом подышать.

И блеск ее глаз, и само желание вновь пробудили во мне вопрос: «А, может, все-таки ее глаза?.. Вот так убьешь в женщине дикую кошку, а потом по снам в волчьем обличье с ней гуляешь...» А вслух произнес:

- Деревня – тоже хорошо. Собирай малышей.

И девочки переехали ко мне. Жена сняла полдома недалеко от города и уединилась в скромной деревушке на неопределенный срок. Оно и правильно, пусть восстанавливается.

В следующие выходные я и девчонки под предводительством Зверя отправились в лес. Для грибов было рановато, но для совместной прогулки – в самый раз. Зверь постоянно крутился вокруг дочек, поэтому я был спокоен: он не подпустит чужих, обойдет яму и уведет от нее девочек. А сам я внимательно смотрел под ноги. Мне было спокойно и благостно. Но мою благостность и спокойствие сдуло, как только я перестал слышать голоса дочек.

Я поспешил в направлении, где последний раз слышал их щебетание. И снова вышел на поляну, где в прошлом году встретился со странным Дедом. Передо мной стоял

небольшой деревянный домик, добротный сложенный из качественного бруса. Вокруг – никого. Внутри – ни звука. Я подбежал к двери и стал колотить в нее кулаками. На шум из леса выскочил Зверь, и одновременно открылась дверь избушки. На пороге стоял тот же самый «прошлогодний» дед и хмурил брови:

- Чего дебоширишь? – грозно спросил он.

- Где девочки? – я с трудом себя контролировал.

- В Храме, - кратко ответил он.

Я хотел войти, но Дед придержал дверь:

- У тебя же ничего нет за душой. Куда щемисься? – вызывающе спросил он и тут же мягким тоном произнес куда-то внутрь избушки - Девочки, за вами папа пришел. Выгляните, а то он волнуется.

И две маленькие головки показались из-за штанины Деда. Я не знал, что сказать, ну, не ругать же их прямо сейчас – уж больно

довольные лица!

- А вы как сюда пробрались? – это единственное, что мне пришло в голову. – Тут же вход платный.

- Я стихотворение прочитала, - гордо сказала старшая.

- А меня за улыбку пропустили, - отчиталась младшая. И она еще раз улыбнулась, демонстрируя картину смены молочных зубов. «Как прекрасно детство, лишённое глупых комплексов!» - подумал я.

А были бы постарше, наверное, Дед бы денег попросил. И дали бы... за возможность соприкоснуться с таинственным или просто из любопытства. Вот так и отдают имущество в секту. По-детски.

- Нам пора! – строго сказал я дочкам и сделал демонстративный шаг от так называемого храма.

Они инстинктивно выбежали за мной и наперебой начали рассказывать:

- Папа! Там ангелы! Так красиво!

- И бабочки везде! И цветами пахнет!

- И крылья у ангелов – большие, белые и пушистые!

- И света много!

Я уводил девочек, а сам думал: «Вот и отпусти ребенка по лесу погулять! Забредет в такое гиблое место – и не вернется. Небось, набилось в избу мужиков в белых балахонах, машут руками, свечи жгут. А детям ангелы видятся. И еще не ясно, что бы они с девочками потом сотворили...»

Мои дальнейшие размышления остановил голос Деда, прозвучавший мне в спину:

- Извращенец! Даже Зверь твой молчал, не лаял без толку. Хоть и животное, а праведный дух чует. А тебе, зверюге бездушному, даже нюх на дерьмо отбили. Вот и мечешься. Даром, что телом из ямы выбрался. А нутро твое в яме осталось.

Я оторопел от этих слов. Меня словно

отчитали на линейке перед всей школой. А главное – за дело. Плечи ссутулились, я весь ужаснулся и поторопился исчезнуть с этой странной поляны. Зверь шел рядом. Вроде к нему эти слова не относились, но он поджал хвост. Девочки бежали впереди и не слышали этой строгой отповеди. Оно и к лучшему. Не хватало еще краснеть перед собственными детьми!

В эту ночь ко мне снова пришла Рысь. А я снова встретил ее в обличье Волка. Она появилась ниоткуда и настороженно спросила:

- Куда направляешься?

Я не знал, что ответить, и ляпнул, не подумав:

- Туда!

- Вот и иди туда, куда направляешься. Мне в другую сторону.

- Вот так прием! – удивился я. – Почему так грубо?

- Потому что я иду обедать. А ты мой обед по лесу не вынюхивал, не выслеживал, не загонял и не драл его до смерти. Проходи мимо моего обеда! – и она даже рыкнула в мою сторону.

- Я уже ел, - только и оставалось оправдываться мне. – Я поговорить хотел.

И, не дожидаясь ее согласия, я пошел

следом. Совсем скоро в поле моего зрения показалась туша кабанчика, возле которой уже возилась другая рысь.

- Напарник? – с долей интереса, перемешанного в равных пропорциях с ревностью, спросил я.

- Соперник, - прошипела Рысь, как-то вся собралась и вышла к своему обеду.

Две рыси несколько минут смотрели друг на друга. Стояли не шевелясь. А потом конкурент вырвал крупный кусок мяса и тихо удалился.

- Как это тебе удалось?! – мое искреннее восхищение сделало Рысь снисходительней к моему присутствию.

Она молча подошла к добыче и начала есть. Я ощутил характерное бурчание в желудке и подумал, что мне также не помешает подкрепиться. Но идея так и осталась идеей. Без разрешения Рыси подойти к туше я не осмеливался. Рысь

перестала есть, посмотрела на меня и сказала:

- Вот и ответ на твой вопрос, как мне это удалось. В лесу все решает сила. Кто главный, тот и ест первым.

Да, она была здесь главной.

Дочки всю неделю просились в лес. Конечно же, им хотелось снова побывать в Храме. Я ничего не обещал. В четверг я отвел их в садик, предупредил на работе, что появлюсь только завтра, а сам со злым любопытством направился в лес.

Дорогу к маленькой избе я нашел без труда. Помялся секунд тридцать у двери, а затем постучал. Никто не ответил. Тогда я осторожно толкнул дверь – она мягко поддалась. Я даже насторожился: в наше время не запереть, что потерять. Прислушался – ни звука внутри. И я вошел.

Моему изумлению не было предела. Я стоял с открытым ртом, как малолетка, впервые увидевший женскую грудь. Отличие было только в том, что я ничего не увидел. В избе было пусто. И в моей голове – тоже. Отсутствие каких бы то ни было предметов не позволяло уму оттолкнуться и начать

фантазировать о том, что же здесь все-таки происходит. Я казался самому себя идиотом: зачем пришел, что хотел найти, что стремился подтвердить?

- Ну что, посмотрелся? – неожиданно раздавшийся сзади голос заставил меня вздрогнуть. Я обернулся и увидел Деда.

- Здесь же смотреть не на что! – перешел я сразу в наступление. – Быстро вы успели свернуть свое предприятие! – я говорил с вызовом, но в интонации сквозила растерянность. И было от чего растеряться!

Дед молчал. То ли он ждал, что я направлюсь к выходу, то ли не знал, что ответить, то ли не хотел разговаривать...

Я не выдержал:

- Пусто здесь, - сказал я и сам услышал в своем голосе сожаление.

- Как в душе, так и в храме, - Дед сделал краткое замечание, смысл которого дошел до меня значительно позже. – Пойдем, парень.

Мы вышли. Если бы у нас была привычка покурить, то мы бы обменялись сигаретами, закурили, еще некоторое время постояли бы рядом - молча и задумчиво, пожали бы руки и разошлись. Но к сигаретам не было страсти ни у Деда, ни у меня. Мы были чужими, разными, отдельными людьми, встреча которых может произойти только в Храме. У нас были непохожие дороги к нему, и такие же – обратно.

Я больше не хотел сюда возвращаться: это место откровенно заявляло мне о пустоте и необжитости какого-то сокровенного пространства внутри. Я не знал, как его обживать и чем заполнять. Чужой мусор меня не вдохновлял, а от своего я сам еле избавился. Пусть будет пусто, зато – чисто!

Кроме двух звонков сразу после отъезда, вестей от уехавшей в деревню жены не было. Добровольное заточение в лесной глуши полностью поглотило ее, растворив в молчании леса даже материнский инстинкт. Я немного волновался, несколько раз набирал ей на мобильный, но безрезультатно. Она не поднимала. И я оставил ее в покое, тем более, что это уже была бывшая жена.

Просьбу девочек я все-таки выполнил – на выходные мы поехали в Храм. Мы со Зверем сидели снаружи, а дочери с Дедом непонятно чем занимались внутри. Почему я пошел на поводу у малолетних капризниц? Можете осуждать меня, но я не мог устоять перед их искренним желанием и довольными мордашками в момент моего согласия. В конце концов, ребенка не заставишь делать непотребное. На его лице все равно проглянет страх или боль, сколько конфет или игрушек

не принесешь. А мои дочки светились – радостью и благодарностью.

Я смотрел на Зверя, спокойно лежащего у моих ног. Он даже не пытался убежать в свой дикий мир. Наверное, этот мир не был для него родным. Сколько же нужно усилий, чтобы обрести свободу! И как мало нужно, чтобы ее потерять: теплый дом, каждодневный рацион, ласковое похлопывание по загривку... и вот уже даже волк в лес не смотрит.

Дочки выпорхнули из избы счастливые и танцующие. Увидели Зверя и тут же бросились теревить его, таская за уши и зарываясь в густую шерсть. Зверь только довольно урчал. Следом за девочками вышел Дед, испытующе посмотрел на меня и подозвал кивком головы.

Пока мой ум решал, насколько Дед фамильярно ко мне обратился, тело уже стояло перед ним по стойке «Смирно». Да, на

этой лесной поляне он был главный, как Рысь – в моем сне.

Дед дружески похлопал меня по плечу и сказал:

- Вот сотворишь свой мир и будешь в нем главным. А пока нет своего, путешествуй по другим, ума-разума набирайся.

И он открыл для меня дверь в избу. Я осторожно вошел и обиженно сглотнул – снова пусто. Комок подкатил к горлу. Неужели я такой ущербный, невидящий, что не могу рассмотреть очевидного, явного даже для ребенка!

- Зрячими не рождаются, зрячими становятся, - тихо проговорил Дед. – Ты глаза-то закрой, они здесь лишние, с толку тебя сбивают.

И я закрыл глаза...

Запахи! Их было множество! Они буйствовали и пьянили. Я чуть не потерял равновесие, качнулся, раскинул руки, хватаясь

за воздух, но устоял. Да, я ничего не видел, но как я чувствовал запахи! А это уже было по-нашему, по-мужски.

Я даже довольно хмыкнул: вспомнил время, когда обнюхивал женщин под любым предлогом, чтобы определиться заранее – у меня с ней «да» или «нет». Запах – указатель верный. Если быть внимательным, то можно сказать без ошибки, в каком она настроении, есть ли у нее сейчас месячные, любит ли она кого или все еще ищет... Ведь, бывало по молодости, поведусь на формы, на заигрывающие глазки да шаловливые ручки, а как дело к постели, так все шиворот-навыворот. С тех пор я доверял только запаху. Благополучно женился и... потерял нюх.

- Открой глаза, мечтатель о прошлом! – дед произнес это с улыбкой.

Я открыл. Пусто, но запах остался. Также кружил голову и завораживал.

- Спасибо, - только и смог произнести я. Эта

благодарность к Деду или Храму была сказана из самого сердца и надолго поселилась в нем.

В этот день мы вчетвером вернулись домой: дочери – в восторге, младшая даже кружилась, когда это позволяло пространство вокруг, Зверь косил под благородного английского дога, а я благоговейно наслаждался возвращенной из прошлого способностью – обонянием.

В эту ночь сон пробудил во мне Зверя. Лес наполнился доселе незаметной для восприятия информацией: кто, где, когда был и в каком состоянии. Я впервые нашел Рысь, сам, по запаху. Я чувствовал просыпающуюся во мне силу – силу охотника.

Мое появление стало неожиданностью для Рыси. Я опередил свой запах, идя против ветра. Моя новоявленная подруга лежала на ветке дерева и лениво постукивала по ней хвостом. Когда наши глаза встретились, она вскочила словно женщина, которую застали в пеньюаре за приятным утренним мыслеблудством:

- Тебе не говорили, что перед визитом принято звонить? – совсем по-человечески с упреком бросила она недовольный взгляд сверху вниз.

Раньше подобный выпад в мою сторону обескуражил бы меня, но не сейчас. Я

ухмыльнулся как уличный хулиган, довольный своим дерзким поступком.

- Я хотел тебя видеть, - спокойно произнес я.

- Ну, смотри, - и Рысь демонстративно улеглась на ветку.

Моя тактика явно не срабатывала. Тогда я решил использовать беспроигрышный маневр из мужской стратегии соблазнения:

- Приглашаю на ужин!

Ни один мускул не дрогнул в ее теле. Что за женщина! Интерес к моему предложению выдавали только чуть расширившиеся глаза. И она сказала, зевая:

- В наших широтах ресторанов не водится.

- Такую самку по ресторанам не водят, - быстро нашелся я. – Окажи мне честь, я предлагаю охоту.

Если бы все-таки Рысь была женщиной, то на ее лице появилась бы довольная улыбка – свидетельство принятого комплимента. Она

виртуозно спустилась с дерева:

- А ты изменился, - сказала, пристально оглядывая меня, Рысь. – Ты становишься волком.

Я тоже принял эту фразу за комплимент, и мы отправились на охоту.

Бывшая жена позвонила неожиданно. Она хотела сообщить, что вернулась домой, чувствовала себя обновленной и жаждала увидеть дочек. Я как-то по-особому готовился к этой встрече: побрился, хотя уже проделывал эту процедуру утром; долго копошился в шкафу, определяясь со стилем одежды; даже Зверя помыл шампунем, от чего тот некоторое время пребывал в шоке.

Девочки были умыты и причесаны по-парадному: замысловатый узор из косичек, банты. Нет, что вы, я не освоил это искусство за время их пребывания. Секрет прост: коробка конфет соседке и дочери - красавицы!

Моя бывшая жена, на первый взгляд, помолодела лет на пять. Ее глаза светились спокойным и ровным светом. Они стали глубже. Но это не были глаза Рыси. Поэтому мы по-дружески приготовили ужин, я отчитался по новостям, сообщил подробности

состояния дочек и ушел.

Я решил прогуляться. Мы шли со Зверем по вечерним улицам. Я был снова свободен, теперь – окончательно! И, в первую очередь, я был свободен от своих ожиданий: мой брак не состоялся, но этот факт остался в прошлом. Во-вторых, теперь мне принадлежал этот город со всеми его возможностями, в том числе и женщинами. Ведь я еще не сделал выбор. И в ближайшее время не собирался его делать. Я хотел брать, но только возможности. В-третьих, у меня была своя тайная страсть – звериный бег во сне. Я бегал быстро, я почти летел над землей!..

Я вдохнул полной грудью и... побежал!

Прохожие в испуге отскакивали с моего пути. Видимо, это еще не стало правилом – появление на улицах добропорядочного города бегущих мужчины и волка. Или двух бегущих волков... Но мне было плевать, а Зверь явно испытывал восторг. Надо сказать,

что после это пробежки мы стали ближе.
Осталось сблизиться в образе жизни.

Как только мой нюх уловил запах добычи, я ринулся вперед. Рысь мягко забралась на ближайшее дерево и прыжками стала перемещаться следом. Мы быстро приближались к ручью – его журчание уже доносилось до моего слуха. Я притормозил у кустов малины и еще раз принюхался – лось! На водопой пришел лось, но не старый – ему года два, и не в силе – наверное, устал.

Я выглянул из-за кустов, а Рысь смотрела на лося сверху. Он был огромен. Мы отчаянно рисковали, выбрав такую добычу. О чем мы вообще думали и на что надеялись?! Кураж, одним словом!

Один взгляд друг на друга – и мы решили рисковать дальше. Лось насторожился, а уже в следующую минуту попытался убежать напролом через густой кустарник.

В этот момент мне стало ясно, что добыча наша: лось явно хромал на обе задних ноги.

Через полчаса синхронной работы мы, тяжело дыша, сидели у туши убитой громадины. Рысь взглядом предложила мне первому попробовать блюдо вечера. Мое сердце еще стучало, в лапах бродила энергия борьбы и я, недолго думая, вонзился клыками в еще теплое мясо у самой шеи лося.

Вкус... его не передать словами человеческого мира: сладковато-теплый, мягкий, ударяющий в голову. Все исчезло, кроме вкуса мяса и свежей крови. Я слышал, как Рысь тоже оторвала кусок и начала, рыча и причмокивая, утолять голод. Прошло минут двадцать, пока мы пировали, не обращая внимания друг на друга. Нет, она не стала мне безразлична. Наоборот, разрывая тушу зубами и когтями совместно, мы становились ближе. Но сближали нас не взгляды или вздохи, а действия – охота и еда. Жаль, что у людей принято по-другому...

Девочки, конечно, рассказали моей бывшей жене про Храм. Та, как любая здравомыслящая мать, тут же потребовала подробный отчет об этом заведении. Но вместо долгих и странных объяснений, в которые я вдавался в период нашей совместной жизни, я предложил ей посмотреть Храм самой: лучшие впечатления – свои.

И вот я вместе со своей бывшей женой на своей бывшей машине, усадив Зверя и детей (слава Богу, дети бывшими не бывают!) на заднее сиденье, отправились за город.

Дед нас как будто ждал. Он уважительно кивнул жене, ласково поприветствовал девочек, а на меня только глянул искоса.

Я, как обычно, был оставлен за пределами Храма. Дед вышел через пару минут и кивнул в сторону двери со словами:

- Пусть наслаждаются, – он присел рядом и

то ли спросил, то ли упрекнул: - А ты, злодей, лося загубил...

Я обомлел. Откуда он знал?! Мои сны всегда были только моим достоянием. Я никому не открывал этой тайны. Слишком велико было наслаждение от нового качества ночной жизни, пусть иллюзорной для большинства людей. Свобода и сила! Я был бы легкой добычей для шантажистов, если бы мне угрожали лишением этих пьянящих сновидений.

А знакомство во сне с Рысью! Ни одна женщина за последнее время не вызывала у меня подобного восторга и влечения! Я знал, что пора бы искать «своих»: например, найти волчицу и пофлиртовать с ней на досуге. Но каждый раз Волк во мне безошибочно угадывал запах Рыси и спешил к ней – увидеть, поговорить, поохотиться вместе.

- Зря ты в себе лося загубил, - вернул меня из воображаемого бега по лесу голос Деда.

- Я же не в себе, я во сне! – возмутился я.

- А ты видишь разницу? – и Дед лукаво сощурил глаза.

Я попытался перевести тему этого странного разговора:

- Как там они? – спросил я, имея в виду свою бывшую и дочек.

Дед как будто прислушался, слегка подавшись телом к избушке, покачал головой и сказал с нескрываемым сожалением:

- Потерянные вы, растерявшие себя... По кусочкам раскидали душу и бога ищите снаружи, а не внутри. Вот и жена твоя, башенок с крестиками не увидела и разочаровалась. А оделся бы я в рясу, спектакль с кадилом да иконой устроил, так она бы тут же за благословеньем полезла мне руку целовать. Что за люди! – он замолчал, чуть поерзал, уселся удобней и продолжил: - А девочкам твоим хорошо. Только не уразумеют они никак, почему мамка вместо

ангелов да бабочек книжки разглядывает.

- Какие книжки? – удивился я.

- Обычные. Она думает, что это – местная изба-читальня, - и Дед ехидно улыбнулся.

Дверь избы-храма-читальни открылась резко и недовольно. Жена подталкивала дочек, сжав губы в узкую ниточку. «Действительно, злится», - подумал я, привыкнув за долгие годы распознавать малейшую смену выражения ее лица. Она кивком попрощалась с Дедом и гордо прошествовала к машине. Я пожал плечами, будто извинялся за что-то, и поплелся следом, Зверь – за мной.

Мы ехали молча. Даже девочки прочувствовали настроение мамы и заснули от греха подальше, обняв друг дружку. Ведь сказано: «Не буди Лихо, пока спит тихо. А коли разбудил Лихо, то лежи тихо».

- Странный ты, - бросила, не глядя на меня, жена. Бросила словно кость, надеясь, что я

начну глодать ее как раньше, оправдываясь и вступая в длинные дискуссии. Я промолчал. А по ее интонации понял, что пик злости позади. Она не дождалась моего привычного поведения и продолжила: - Мог бы сразу сказать, что это местная библиотека. А то – Храм!

Я молчал. А что говорить? Прав Дед – растеряли мы себя.

- У меня к тебе просьба, - начала она с новыми нотками в голосе, что означало исчерпанность предыдущей темы.

- Конечно, если тебе нужны деньги, - тут же подхватил я, но она перебила:

- Не в деньгах счастье, а в помощи людям.

Я даже оторопел от подобного заявления. Она продолжила:

- У меня есть подруга. Ей сейчас плохо, надо развеяться. От нее муж ушел к другой.

- Ты подрабатываешь сводней? – пошутил я.

- Нет, это мое хобби, - парировала она.

Предложение было нелепым и несвоевременным. Но я почему-то согласился. Из любопытства, что ли?

- Заедешь за ней в пять? – жена протянула мне бумажку с адресом и телефоном, даже не дожидаясь моего утвердительного ответа.

Мы подъехали к дому, к моему бывшему дому. Я смотрел вслед женщине, уже совсем чужой, которая уводила моих сонных детей, и не понимал: когда же мы успеваем стать такими далекими, если живем в одной квартире, спим в одной постели, воспитываем общих детей?.. Я не знал ответа. Может, это происходит в тот момент, когда мы перестаем долго смотреть в глаза друг другу? Без причины, без желания разглядеть там что-то, просто смотреть... Или когда перестаем слушать не только слова, но и паузы между слов...

Я глянул на адрес – недалеко от центра.

Записал в телефонную книжку номер подруги жены с пометкой «на сегодня» и поехал навстречу новому знакомству.

У меня оставалось пару часов до назначенной встречи. И я решил прогуляться по зоопарку – глянуть на «своих».

Клетки с волками были пусты. Мне объяснили, что у них плановая вакцинация. И тогда я направился к вольеру для рыси. Подойдя к клетке, я поразился реакции животного: рысь вскочила, подбежала к самой ограде и стала нюхать. Ее нос практически поедал мой запах! Конечно, ее глаза отличались от взгляда Рыси в моем сне. В тех была воля, охота, кровь и страсть. В этих – смесь раздражения и надежды. Она еще надеялась оказаться на свободе. А я стоял перед клеткой и не знал, что мне делать с этой свободой.

Рысь просунула лапу через ограду. Моя рука потянулась ей навстречу. До сих пор не понимаю своего импульса: я что, хотел пожать ей лапу?! Как только моя рука оказалась на

доступном расстоянии, рысь подалась вперед всем корпусом и яростно оскалилась. Смотритель зоопарка оттолкнул меня в последний момент. Конечно, рысь не оторвала бы мне руку, но поранила бы серьезно.

- Зверь он и есть зверь, - назидательно сказал мне смотритель. – Это же не домашняя кошка.

Я сухо поблагодарил его и, не оглядываясь, пошел к выходу.

В 17-00 я был у подъезда по указанному в бумажке адресу и набрал ее номер. Ждал ли я чего-то? Был ли разочарован? А, может, не готов пока. Не знаю. Но она не произвела на меня сильного впечатления. Не спорю, фигура хорошая, одета со вкусом, симпатичное лицо среднестатистической брошенной женщины. И множество неувлимых для обычного мужчины, но сразу заметных для Волка мелочей! Тонкие колготки под юбкой – жаль. Много парфюмерии – зря. Очень суетлива – засада. Бегающие глаза и подрагивающие губы – устал я от истерик своей собственной мамы! Она не знала, куда хочет, и не могла уверенно выбрать из того, что я предложил. В ресторане она неуклюже играла тувелькой, и та несколько раз падала с ее ноги. Ножку бокала моя новая знакомая терла с такой силой, что даже мой пенис съежился от ее неослабевающих усилий. Она торопливо ела,

даже не пытаюсь разобрать вкус еды. Я с грустью подумал о том, что она так же занимается сексом – как голодная нищенка.

Я вез ее домой и радовался предстоящему расставанию. Я настолько был поглощен этим, что автоматически согласился провести ее до квартиры, так как в подъезде было темно.

Как только мы вошли в подъезд, пропахший запахом сигарет, мочи и вчерашнего борща, она прижала меня своим телом к стене и прошептала хриплым голосом: «Возьми меня прямо здесь». Я не успел осмыслить реакцию своего тела. Волна возбуждения накатила с такой силой, что я одним движением положил женщину на ступеньки, рывком задрал ей юбку, с удовольствием порвал колготки и вошел в нее.

Я не думал о женщине, о ее удобстве и удовольствии. Мне было все равно, что ощущает ее тело на холодных ступеньках. Я

вообще не думал. И просто брал ее как зверь. Вот накопилось!

Я кончил. А она? Я не уточнял. Было бы нелепо сказать «Спасибо» после всего произошедшего, застегивая ширинку. Поэтому я, как удовлетворенный зверь, молча вышел из подъезда, не давая съезжившемуся внутри человеку опомниться.

Я автоматически снял с ее телефона пометку «на сегодня», но не удалил номер. А зря.

Я даже не мылся. Скинул одежду и зарылся в постель, накрыв голову одной из подушек. Чего я не хотел слышать? Укоров совести или ее вопросов?..

Зверь ткнулся мордой в мою руку, торчащую из-под одеяла, понял, что ни прогулки, ни еды не предвидится и отошел на место, тоскливо поскуливая.

Я оказался во сне мгновенно. И тут же ужаснулся своему положению: оглушительные крики, выстрелы и я посреди этого кошмара. Я заметался, не соображая, куда податься, и что именно происходит. Рысь, откуда-то сверху, то ли хрипло прокричала, то ли тихо прошипела: «Беги!» Я бы побежал, но не знал, куда. Внутри я еще был человеком! Я хотел сначала знать, а потом – бежать.

Я сделал несколько прыжков вперед и почти уткнулся в направленное на меня дуло

ружья. Руки, державшие его, были женскими, нежными и очень напряженными.

«Она не выстрелит», - промелькнуло у меня в голове. Ее пальцы побелели от силы, с которой она уцепилась за оружие. «Она не выстрелит, она не выстрелит», - это было похоже на молитву. Но кто услышит молитву Зверя?

Я сделал несколько мягких шагов и уже собирался прыгнуть в кусты, как раздался выстрел. Интересно, зачем она это сделала? На заядлую охотницу она не походила. Наверное, просто испугалась. Люди часто убивают тех, кого боятся. Нечто твердое и горячее обожгло лопатку, странная сила подбросила меня вверх и перевернула. Я упал и увидел на дереве Рысь. Она прижалась к ветке, будто срослась с нею. Глаза Рыси были понимающими и одновременно далекими... Я не успел рассмотреть, было ли в них сожаление. Почему-то в этот момент для меня

это было важно...

Кто-то грубо потрогал меня ногой. Я не шевелился. Возможно, я уже умер как Волк, но еще не проснулся как человек.

Я проснулся от боли где-то чуть ниже лопатки. Я помнил, что умер, и радовался, что все еще жив. Мне хотелось поделиться с кем-нибудь своим ночным переживанием, но я столкнулся с реальностью холостяцкой жизни. Единственным слушателем, готовым внимать моему рассказу, был Зверь. Остаток ночи я просто лежал в кровати и пребывал в незнакомом для меня состоянии. Наверное, я бредил в полусне, окунаясь в ощущения вчерашнего секса, вспоминая глаза охотницы и шипение Рыси: «Беги!»

Целый день я тосковал и не понимал причины. А вечером набрал подруге бывшей жены – моей вчерашней знакомой. Я был готов к обиженному голосу, молчанию в трубку и даже резкому пожеланию прогуляться в какое-нибудь отхожее место. Но она просто сказала: «Приезжай». И я поехал.

Мой звонок у ее подъезда. Она произносит

номер квартиры. И когда я уже готов позвонить к ней в дверь, она вышмыгивает оттуда, словно тень, хватает меня цепкими пальцами и волочет в подвал. Там она сама опускается на ступеньки, судорожно расстегивает мне ширинку и, происходит то, что, как и в прошлый раз, нельзя назвать занятием любовью. Даже слово «секс» прозвучало бы неподходяще.

В тот момент я чувствовал себя животным. Я испытывал огромный прилив энергии. И я снова ушел первым – ну, не провожать же мне ее до квартиры!

Что она делает потом, с кем встречается, куда ходит и с кем спит – мне было все равно. Но я попался. Я приехал к ней через двое суток, потому что не мог больше думать ни о чем другом. Я начал приезжать к ней через день, но тело отчаянно требовало животного наслаждения. И мои ежевечерние посещения стали правилом. Я попался. И не было рядом

Рыси, чтобы то ли хрипло прокричать, то ли тихо прошипеть: «Беги!»

Зверь заболел. И стал хиреть на глазах без явной причины. А я больше не видел снов и не гулял по лесу в обличье Волка. Я уже месяца два не видел дочек, хотя из дня в день обещал, что подъеду и привезу что-нибудь вкусненькое.

Меня затягивало в омут сладострастия. Я хотел эту женщину без имени и истории, а она подкупала меня своим нетребовательным и простым способом поддерживать отношения. Запах ее подъезда и подвала стал для меня устойчивым якорем на сексуальное удовольствие.

Пробовал ли я «соскочить», избавиться от этой сладкой зависимости? Да, несколько раз и с разными женщинами. Они были лучше, интересней, умнее и красивее, но секс с ними был пресным, а оргазм – тусклым. К тому же каждая хотела в первое же свидание поведать мне всю боль своей жизни со всеми

кармическими завязками и развязками. Некоторые «грузили» неискоренимыми комплексами или «неразрешимыми» проблемами. Я с облегчением отвозил этих прекрасных женщин домой и возвращался в пыльный грязный подвал к своему животному вожделению и его молчаливому удовлетворению. Я возвращался к чудо-женщине, которая не лезла в мою душу и не стремилась открывать свою.

В этот период жизни меня беспокоил только Зверь, вернее, его ухудшающееся состояние. И вот однажды я твердо решил вывезти его в лес. Тем более, что уже наступила осень. А я люблю осенний лес. Там пахнет сыростью, прелой листвой и грибами...

В субботу утром я погрузил в машину исхудавшего волка, немного еды, одеяло и палатку. Впереди было два выходных дня, я ехал в лес и собирался насладиться эти временем сполна.

Я ехал в лес, а приехал в Храм. Бессознательно сворачивая то тут, то там, задумавшись о работе, я опомнился только тогда, когда выехал на поляну, где стояла знакомая избушка. Дверь открылась – Дед вышел мне навстречу, будто ждал. Тут же зазвонил телефон. Я автоматически ответил и очень удивился голосу моей «подвальной искусительницы». За эти два месяца постоянных встреч она ни разу не позвонила мне. А тут – звонок, да еще с наглым вопросом: «Ты где?»

- В лесу, - ответил я без эмоций.

- Что ты там делаешь? – она напоминала мне следователя, задающего заведомо бестактный вопрос о моей личной жизни и не испытывающего при этом чувства вины.

- Грибы собираю, - в ее же тоне ответил я и бросил трубку.

Я вышел из машины, чтобы поздороваться с Дедом. Когда он пожимал мне руку, снова

раздался звонок:

- Охотница?! – с понимающей интонацией уточнил Дед.

Я замешкался с ответом, соединяя воедино куски моих воспоминаний за последние два месяца. А он не дождался ответа и сказал:

- Неси своего Зверя. Сдохнет ведь от такой жизни.

Я принес из машины волка. Дед осмотрел его как заправский ветеринар – тщательно и аккуратно. А потом буквально заглянул мне в глаза, продырявливая насквозь внимательным взглядом:

- Плохо дело... на что готов ради любимца?

Я, не раздумывая, потянулся за бумажником. Дед презрительно сплюнул:

- Ух... потерянные люди...

- А что надо? – вскипел я. – Вы скажите, я сделаю.

- Заменишь волка, пока я его полечу?

- В смысле? – не понял я.

- В смысле – побудешь зверем? – и, не дожидаясь моего ответа, добавил: - Тем более, что ты им давно стал. От человека в тебе только оболочка осталась.

- А зачем? – я тянул время, а сам пытался сообразить, в чем подвох предложения.

- В природе так устроено, что свято место пусто не бывает. Негоже ему простаивать. Вот и заменишь любимого питомца.

- А меня кто заменит? – искренне удивился я, начиная подозревать Деда в зловещих планах на мое молодое тело.

- А зачем тебя заменять? – также искренне удивился Дед.

- Как зачем? Вы же сами сказали, свято место пусто не бывает...

- А с чего ты взял, что твое место свято? – Дед испытующе смотрел на меня.

И я сдался. Я ничего не ответил, потому что Дед был прав.

- Мне что, по лесу бегать и зайцев ловить? –

неловко пошутил я.

- Не утруждайся, - серьезно ответил Дед. –
Ложись в палатку и спи.

Я расставил палатку под деревом рядом с Храмом, укрылся одеялом и лег спать.

И я снова проснулся волком.

Уже была ночь. Запах крови сильно ударил мне в ноздри – моей крови. Неужели я два месяца провалялся здесь после выстрела и не умер? Хотя во сне время – понятие относительное... Легкий шорох заставил меня насторожиться. И хотя я был беззащитен и слаб, я был готов защищаться до последнего. Но драться не потребовалось.

Глаза Рыси я узнал бы среди сотен глаз и в любом состоянии, а здесь всего лишь темнота, боль и усталость.

- Ты жив? – спросила она.

- Я слышу волнение? – с плохо скрываемой под наигранным сарказмом надеждой уточнил я.

- Она же стреляла в упор, - Рысь констатировала факт, но реальность доказывала обратное.

- А с кем ты тогда разговариваешь?

Я ничего не видел в темноте, кроме ее глаз, но вдруг почувствовал, как к моей ране прикасается ее шершавый язык. В этот момент на меня нахлынула такая волна благодарности, что если бы я был человеком, я бы расплакался.

Да, мне признавались в любви, я говорил, что люблю, но все это меркло и казалось пустой шелухой по сравнению с ощущениями шершавого языка, лижущего мою рану. И не надо было слов. Она любила меня. Нет, это было нечто большее, неизмеримо большее. И я порадовался, что я – Зверь. Потому что человеком я мог только говорить и слышать, а Зверем я мог ощущать. Я ушел в сон под равномерное мурлыканье Рыси, прижавшейся ко мне, чтобы согреть в эту ночь. Я заснул раненым, любимым и счастливым Волком.

И проснулся Волком. Это насторожило меня, но боль в боку вернула меня из размышлений в эту реальность. А реальность оказалась более чем приятной: немного сверху на одной из веток дерева сидела Рысь и облизывалась. А передо мной лежали две мертвые белки. Будучи человеком, я, конечно, умилялся этим пушистым созданиям, но волк во мне не привередничал, а просто хотел есть. И ел, чем подтверждал здоровое состояние своей животной психики.

Рысь самозабвенно ухаживала за мной, хотя вид у нее был такой, будто она безразлично присутствует рядом с умирающим Волком. Благодаря ее усилиям и благоволению матушки-природы моя рана затягивалась. Мы с Рысью сближались с такой скоростью, что это стало пугать меня. Я был свободным Волком, холостяком и творческим бродягой, хотя в чем именно состояло мое

творчество, я ответить не мог. Ну, творил каждый свой день. Я совсем недавно обрел свободу и не хотел ее терять. Я был одиноким Волком и бережно лелеял свое одиночество. Наверное, потому что не знал, как при этом можно любить – без привязанности. А Рысь словно жила в другой реальности. И я иногда злился:

- Тоже мне, пушистая сестра милосердия!

Она не реагировала, проходила мимо и кидала мне по ходу еду: мышь, крота или очередную белку.

Я выздоравливал. И забывал, что я когда-то был человеком. Потому что каждое утро просыпался волком. И в одно такое утро Рысь не пришла.

Я ждал полдня. Потом отправился на поиски. А когда нашел, то почти набросился на нее, благо, она, как обычно, сидела высоко на дереве:

- Почему ты ушла? Что ты себе

позволяешь? Как ты посмела меня бросить без предупреждения? – моему возмущению не было предела.

Она смотрела на меня сверху вниз - в прямом и переносном смысле:

- Ты ошибся, - безразлично, но не зло произнесла Рысь.

- В чем?! – я почти плевался слюной.

- Я не твоя жена, я не твоя возлюбленная, не твоя подруга и даже не пушистая сестра милосердия.

- А кто ты?! – меня несло, но я не собирался останавливаться.

- Я – Рысь, - и она исчезла в ветвях.

Я смотрел на дерево и не мог ее разглядеть. Я, наконец, остался один и мог наслаждаться своим одиночеством. Но именно сейчас мне было плевать на него. Мой страх стать зависимым от Рыси показался мне эгоистичным стремлением сосунка-подростка застолбить несколько квадратных

метров личной территории, на которую никто не покушался. Я впервые ее встретил! Я, наконец, встретил Ее! И повел себя не как сильный и свободный Зверь, а как ограниченный и напичканный чужими убеждениями человек! И я завыл. Завыл сильно, из глубины моей волчьей одинокой души.

- Чего ты? – прозвучал ее голос откуда-то сверху.

- Я не знаю, что мне делать теперь, - признался я честно.

- Ищи своих, - сказала она и ушла. Наверное, ушла навсегда.

Волки. Стая. Свои. А ведь, правда, почему я все время один? Почему я так отчаянно держусь за определение «Я – одинокий волк»? И любой, кто принимает и понимает меня, одновременно привлекает и отпугивает. Появится друг – исчезнет определение?

Волки. Стая. Свои. Может, все дело в стае? Или, точнее, в ее организации? Ведь я не приду и не буду там первым. В крайнем случае, вторым, и то – через несколько зим, после множества охот, больших и мелких стычек по разделению добычи и власти. А в начале – подчинение вожаку, без пререканий и рассуждений. К тому же не самцу, а главной самке. Подумать только, мною будет командовать женщина! У волков матриархат пока еще не изжит...

Волки. Стая. Свои. Или я никогда не чувствовал себя своим – нигде? И я даже не знаю, как это – быть своим? Особенно, будучи

диким зверем среди диких зверей. Я – волк, но что это значит? И если вопросов так много, пора отправляться на поиски ответов.

И я пошел искать.

Волки. Стая. Свои. Но для них я – чужой. Когда я вышел на открытую местность, молодые самцы были готовы напасть на меня в любой момент. Я не двинулся. Я ждал. Через некоторое время вышел «вожак» – черная волчица, она внимательно посмотрела на меня блестящими умными глазами и дала отбой молодняку.

С тех пор на меня косились, но не приставали. Я отблагодарил ее в следующую охоту. И хотя с каждым днем жизнь в стае становилась для меня понятней, я оставался начеку.

Самки с любопытством поглядывали в мою сторону, но подходить не осмеливались. Дни пролетали в охоте, еде, сне, дружеских соревнованиях с другими самцами и легком флирте с волчицами. А по ночам я тосковал, но не по жизни человека, я давно забыл о ней. Я тосковал по Рыси. Я силился

представить себе наше совместное будущее и сам с грустью усмеялся этой попытке: она – на деревьях, я – на земле, она – почти кошка, я – почти собака. А дети?! Мы два разных вида, нас даже в зоопарке не додумаются скрестить. Общее только, что хищники. Но тоска не уходила.

В какой-то момент я был готов жить с ней так, как раньше – в странном сне, где мы могли хотя бы разговаривать... Что мне семья? Это уже было. А такой, как Рысь, больше не было... Но об этом я думал только ночью.

А днем я самозабвенно охотился: выискивал добычу, загонял, убивал. В один из таких дней выскочил на поляну, которая показалась мне знакомой, там еще дом стоял деревянный. Я учуял человека и спрятался за кустами. Но он вышел из двери дома и обратился ко мне так, как будто видел меня через густо сплетенные ветки:

- Ну, и заплутал ты в своей звериной

натуре! Возвращаться-то собираешься?

Я не понимал, о чем он говорит, но этого человека хотелось слушать. В его голосе была доброта и сила – странное сочетание.

- Выходи, пора домой, - человек говорил мягко, но уверенно.

А я не хотел возвращаться в то место, которое он называл домом. Я помнил его смутно, но оно больше походило на клетку, где кормят по часам пресной однообразной едой; где все, что радует и вызывает прилив сил – аморально, грязно и приравнивается к животным инстинктам. Я окунулся в эти воспоминания, ощутил тошноту и ушел.

Я вернулся в стаю. Потому что это были волки – свои.

И с ними я прожил всю зиму.

Весной я выбрал волчицу – здоровую, красивую, сильную. Меня подкупила ее гордость и независимость. Мы стали парой. Я, как будущий отец, нашел нам замечательное логово – просторную пещеру под землей. Ее могли обнаружить только случайно, и то, из-за глубокой вертикальной ямы в глубине леса, внизу которой был лаз в эту самую пещеру. Но специально в эту яму никто бы не стал забираться, а случайно упавший гость – легкая добыча.

Поздним летом у нас родилось четверо волчат – крепких и подвижных. А осенью произошла та самая из ряда вон выходящая случайность – какой-то мужик свалился в яму. Как только я учуял его запах, то обрадовался, что несколько дней могу не охотиться, а побыть с семьей дома. Темной ночью я пробрался по узкому лазу в яму и уже собирался загрызть спящего человека, как

нечто необъяснимое остановило меня, животный инстинкт, что ли?

Я сидел и смотрел на этого бедолагу, готовый броситься на него в любой момент. Он открыл глаза, но не закричал. Ему было страшно – это отчетливо чувствовалось в его запахе, но он сидел и просто смотрел мне в глаза. И я не напал, а позвал его в свой дом. Вернее, я хотел показать ему выход, но он одновременно являлся входом в нашу семейную пещеру. Понимал ли я, что этот трясущийся от страха человек сдаст охотникам местонахождение моего логова при первой возможности? Понимал. Но что-то в нем не давало мне убить его. Может, мое забытое прошлое?

Когда этот дрожащий субъект буквально вывалился в пещеру, волчата поскакали ему навстречу с неразумной доверчивостью любопытных детей. Он напился из маленького озера в глубине пещеры и познакомился с

нашей семьей. Волчица не одобрила ночного гостя, но я любя показал ей, кто у нас главный, а она вежливо разрешила мне прибывать в этой иллюзии. Волчата были готовы растащить гостя «на сувениры» и уже принялись за его штанину, как я ощутил к нему жалость. Этот человек боялся меня, боялся мою сильную и гордую волчицу, он боялся себя, потому что не знал, кто он. И я решил подарить ему часть нашей силы – волчьей.

Я посоветовался с волчицей, выбрал волчонка и подтолкнул его к человеку. Мужик оказался понятливый, после нехитрых объяснений знаками взял волчонка на руки и пошел за мной следом. Надеюсь, он благополучно добрался к «своим».

Не знаю, насколько разумным был мой поступок, но по-другому я поступить не мог. Это был мой последний подарок миру людей, частью которого я перестал быть. Я ушел из

него точно так же, как когда-то из моей жизни ушла Рысь – навсегда.

Зима сменила осенние дожди, навалило снега, и стало голодно. Я рыскал по зимнему спящему лесу в поисках добычи, но день выдался пустой. Мой желудок пребывал в таком же состоянии. И вдруг я почуял запах – запах боли, крови и ярости. Так пахнет раненое животное, которое отчаянно не хочет умирать, но уже обречено. Кажется, мне улыбнулась удача, особенно, если зверя осталось только добить.

Я увидел жертву и стал подкрадываться к застывшему комку шерсти на снегу. Уже приготовился для прыжка и застыл: потому что на меня смотрела Рысь, вернее, сквозь меня. Через мгновение я разглядел ее окровавленную лапу в капкане. Рысь не выглядела жертвой, но была какой-то растерянной, будто не понимала, где находится, почему именно она и что с этим делать? Я все понимал, но не знал, что делать.

Можно было бы отгрызть лапу, но это на крайний случай. Надеяться на милость охотника было глупо, умирать в капкане – тоже.

Мы смотрели друг другу в глаза. Слова в таких ситуациях бесполезны, нужны действия. И тогда я принял решение. И сделал единственное безумное действие, которое мог - я устроился рядом с Рысью и погрузился в сон.

Бег. Я бегу и ищу выход в бесконечных коридорах своего сознания. Я – Волк, и хочу им остаться. Но за спиной, где-то там, в заснеженном лесу умирает в капкане Рысь. И ради нее я готов снова стать человеком. В одном из коридоров промелькнул свет, и я рванул туда. Пробежав несколько метров, я кубарем вывалился на поляну рядом с Храмом и завыл – так я звал Деда.

Никого. Тогда я подбежал к избушке и передними лапами навалился на входную дверь. Она с трудом поддавалась, и я вошел в Храм – как обычно, пустой для меня. Я сел посередине и решил, что пришло время молиться, но не помнил, как. Тогда я стал вспоминать то человеческое, что когда-то позволяло мне жить в мире людей.

Родители – ничего не отзывалось, но появилось сожаление... Семья, жена – сколько лет шел ей навстречу и разминулся... Дочки –

что-то веселое и легкое, как бабочки... Я открыл глаза, среагировав на едва различимый шорох: сотни бабочек порхали в просторной комнате. Я увидел их и поверил своей младшей дочери...

Рысь. Она вызывала у меня самые человеческие чувства – очень теплые. И будучи Волком, сидя в холодном Храме, где порхают яркие бабочки, я разрешил себе чувствовать так, как никогда не разрешал себе чувствовать в теле человека. Я больше не боялся: зависимости, предательства, расставания. Мне стало все равно – брошу ли я или меня оставят в итоге. Я больше не боялся завершения, а поэтому исчез страх перед началом.

Конечно, я хотел, чтобы у нас все началось – у таких разных: Волка и Рыси. Но капкан внес изменения в мои планы. И потому, сидя в Храме, я просил о конце моей волчьей жизни. Я делал это не для того, чтобы мы

жили долго и счастливо. Ведь такую жизнь я мог без труда обеспечить ей, предложив перегрызть лапу в капкане. Это ведь так по-человечески: сначала сделать из любимого калеку, а потом безопасно жить с ним, наслаждаясь своей силой и великодушием...

Я делал это, чтобы мы жили как дикие звери – свободно. Понимая, что у Рыси и Человека нет даже маленького шанса на новое начало. Но я чувствовал так ярко, как никогда раньше! И в благодарность хотел подарить Рыси не свою любовь, а ее свободу.

И я изо всех сил продолжал молиться о том, чтобы снова стать Человеком...

Дед осторожно гладил меня по плечам и тихо повторял: «Просыпайся... просыпайся... зима на дворе... негоже в холодном храме спать...» Я не ощущал рук и ног, я даже с трудом шевелил губами, но все-таки сделал усилие и прошептал: «Рысь в капкане...» Дед понимающе кивнул, накинул на меня тулуп, а сам вышел из Храма.

Я снова погрузился в беспмятство. В беспокойном пространстве своего сна я летел над верхушками деревьев – бестелесный и легкий – и напряженно смотрел вниз. «Где моя Рысь?» - отчетливо звучало во мне, хотя место локализации этой мысли оставалось для меня загадкой. В этих обстоятельствах даже притяжательное местоимение «моя» не вызывало у меня отторжения. Да, моя Рысь. Потому что у меня к ней есть отношение. К чужой бы Рыси, «не моей», не летел.

Я увидел их всех сразу: Деда, внимательно

идущего по следу волка, охотницу, с улыбкой рассматривающую свою добычу, и Рысь, притаившуюся в капкане. И когда ружье было уже откровенно направлено в сторону ушей с кисточками, раздался голос Деда:

- Не стреляй, девица. Эта добыча – не твоя.

Ружье молниеносно сменило цель и хладнокровно смотрело Деду в грудь. Его взгляд остался спокойным и безмятежным. И женщина опустила ружье.

- Она заберет его у меня, - обреченно проговорила охотница, указав на Рысь.

- Не беспокойся, он уже оставил ее, - успокаивающе произнес Дед, подходя к капкану.

- Как?! Ради кого? – в голосе женщины слышалась неутомимая решимость найти и убить соперницу.

- Ради нее самой. Он отпустил ее на свободу, - и Дед начал осторожно открывать капкан. Рысь не двигалась.

Охотница устало шлепнулась на снег и непонимающе пробормотала:

- Но почему?!

- Видимо, потому что любит.

Дед освободил окровавленную лапу Рыси, и животное исчезло среди деревьев. Женщина заплакала, искренне, громко, навзрыд. А затем вдруг зло прошептала сквозь слезы: «Все они, мужики, одинаковы. Я знаю, что им нужно. Он все равно вернется». Она утерла рукавом слезы и сопли, перекинула ружье через плечо и ушла из леса.

А я проснулся.

Я проснулся от телефонного звонка. Голос бывшей жены, немного раздраженный с обычной претензией к миру не за что-то конкретное, а вообще, напомнил, что сегодня мы едем в лес. Я должен был показать ей храм, о котором девочки прожужжали ей все уши. И вот вместе со своей бывшей женой, на своей бывшей машине, усадив детей (слава Богу, дети бывшими не бывают!) на заднее сиденье, мы отправились за город.

Дед нас как будто ждал... Он уважительно кивнул жене и ласково поприветствовал меня и девочек:

- Ну, что, пойдём посмотреть бабочек? – его вопрос был адресован и мне. И я утвердительно кивнул.

Я вошел в Храм – и на меня со всех сторон набросились запахи! Их было множество. Они буйствовали и пьянили. А в пространстве летали сотни разноцветных бабочек. Теперь

мой Храм был таким.

Младшая дочка довольно хлопала в ладоши, старшая – зачарованно общалась со своими ангелами, а бывшая жена с интересом разглядывала корешки многочисленных книг в местной избе-читальне. У каждого – свой Храм.

На обратном пути она обратилась ко мне со словами:

- У меня к тебе просьба. Моей подруге сейчас плохо, от нее муж ушел к другой. Ей бы развеяться.

- Ты подрабатываешь сводней? – пошутил я.

- Нет, это мое хобби, - парировала она.

Предложение было нелепым, несвоевременным и опасным. Но я согласился. Теперь точно из любопытства.

- Заедешь за ней в пять? – жена протянула мне бумажку с адресом и телефоном, который я знал наизусть.

У меня оставалось пару часов до назначенной встречи. И я решил прогуляться по зоопарку. К волкам я не пошел – у них все равно была плановая вакцинация. Я направился к клетке с рысью.

Рысь еще не потеряла желания оказаться на свободе. Хотя в ее глазах уже не было надежды – одно раздражение. Я стоял перед клеткой, получивший свободу и отказавшийся от нее. Рысь просунула лапу через ограду. И я протянул ей руку в ответ, зная, что она обязательно попытается достать до моей руки. А что мы хотим от хищников? Ведь знаем, что попадемся, и все равно хотим приблизиться. Сила привлекает? Сила, которую не сломили даже прутья клетки?

Внимание Рыси было поглощено моим движением. И она рванулась навстречу. Но не оцарапала, а только дотронулась пушистой подушечкой своей лапы до моих пальцев.

Хищники... может, и к ним можно приблизиться безопасно, если убрать прутья своей собственной клетки, в которую мы забралась из страха перед диким необузданным миром? Если согласиться на очевидную опасность ради возможной близости? Зная, что в любой момент близость может принести боль. Ведь к руке прикасается все-таки лапа...

- Что ж ты делаешь, олух! – с этими словами ко мне бежал смотритель зоопарка, готовый то ли защищать меня от рыси, то ли колотить за нарушение правил.

- Я хочу забрать ее, - ответил я, тем самым полностью сменив направление его мысли. Хотя по тому, какое выражение приобрело его лицо, его мыслительный поток временно остановился.

- Куда забрать? Как? – непонимание смотрителя вызвало у меня довольную улыбку. Чему я улыбался? Его непониманию!

Его прямолинейному мышлению и заученным действиям! Я видел в нем себя, всех нас, проживающих в узких прослойках своего ума, где шаг вправо – шаг влево расценивается как побег, а прыжок на месте – как попытка улететь. Где соприкосновение с живым миром возможно только из-за надежной ограды, хотя в этом случае оно скорее похоже на столкновение и подчинение. Я радовался. Потому что в этот момент понял, что не отказался от свободы. Я выбрал другую форму. Я вышел из своей человеческой клетки и не вошел в новую: сначала чтобы спасти Зверя, потом – чтобы спасти Рысь. Я спасал их, и заодно спас себя.

- Я ее забираю, - тоном, не принимающим возражений, произнес я. – Где здесь у вас начальство?

Уже через час мы со зрителем тащили в машину деревянный ящик, сбитый из разных досок. Внутри него притихла Рысь. Я даже не

стал заезжать домой, а сразу поехал на запланированную встречу. Мой звонок – и из подъезда вышла моя давняя знакомая с симпатичным лицом среднестатистической брошенной женщины. Она села в машину, назвала свое имя, которое я тут же забыл. Я почувствовал ее запах – запах очумевшей голодной дикой кошки, запертой правилами общества в маленькую клетку под названием «благоустроенная однокомнатная квартира». Ее желание трахаться в темном подъезде, сменяя его на ступеньки затхлого подвала, показалось мне криком души. Она протестовала. Наверное, даже не осознавая, против чего именно. Мы были разной породы, но одной крови. Мы протестовали и сопротивлялись. Мы хотели не на свободу, а свободы самовыражения. Я взял ее руки и прильнул к ним губами. Это был поцелуй преклонения перед странной силой, которая делает нас животными только ради того,

чтобы мы обрели в себе человеческое.

Женщина заплакала – беззвучно и горько. А я целовал каждый сантиметр ее кожи, задерживаясь на нем для того, чтобы убедиться – он получил мое полное внимание, меня всего. Я впервые был в женщине весь! Хотя не был в ней физически. Это дурацкое представление людей о сексе: «вставить», «войти-выйти» – частью тела максимум в 15-20 см; «дать» – бросить себя как кусок еды, стараясь не присутствовать вниманием во время дикой трапезы. И думать, думать в процессе сексуального взаимодействия – лучшего времени просто не найти! – о том, как мы выглядим, о своем умении и опыте, вспоминать то, что знаем, фантазировать о том, чего хотелось бы, планировать завтрашний день или судорожно хвататься за футбольные победы любимой команды в преддверии скорого оргазма...

Мы презираем животных за их полноту

отдачи друг другу во время близости. Я целовал руки этой незнакомой женщины как животное. И гордился этим.

Она перестала плакать и глубоко задышала. Ее губы так и остались для меня тайной, которую я не хотел открывать. Это было слишком интимно для первой встречи. Но ее шея, ложбинка между грудей были доступны и заслуживали восхищения. Когда мои губы прикоснулись к середине ее ладоней, она произнесла:

- Спасибо, - и мягко вышла из машины.

В этой благодарности было так много силы! А еще там было завершение: я больше не нужен ей. Она больше не будет охотиться на хищников, не будет убивать из страха. Она возвращалась к своей природе. А природа поможет найти выход...

И, недолго думая, я рванул по трассе в лес.

Там я кое-как вытащил из багажника ящик и вынул гвозди из крышки. Отойдя в сторону,

я наблюдал, как дикая кошка из зоопарка буквально опьянела от запаха осеннего леса. Она неуклюже выбралась из ящика, отбежала на несколько метров, зашаталась и села на задние лапы. Я любовался и умилялся этому пушистому хищнику. Детский голос заставил меня подпрыгнуть на месте от неожиданности:

- Ой, кися!

За моей спиной стояла девочка пяти-шести лет. Обычный ребенок, но на меня она произвела странное впечатление: льняное платье с вышивкой крестиком, платочек на голове, с деревенским костюмом 19-го века спорили только современные босоножки. Девочка стояла с открытым ртом, полностью поглощенная зрелищем «пьяной» рыси.

- Осторожно, это дикая кися, - включился во мне папаша.

Девочка, не отрываясь от наблюдения, ответила мне как-то совсем не по-детски:

- Это если ее в клетке держать. А в лесу она дома. Значит, домашняя.

Теперь от удивления открыл рот я, но не нашел, что ответить, и закрыл его.

Рысь, наконец, поднялась, обнюхала воздух вокруг и резко запрыгнула на дерево. Я обратился к девочке:

- Девочка, ты куда бежишь?

- Храм строить, - и она махнула головой в сторону звуков, которые я сначала принял за работу дятла.

- А из чего строить будешь? – я улыбнулся ее растерянному виду и взгляду на пустые ручки.

Она повертела головой и тут же указала на ящик:

- Вот из этих досочек, - девочка была сообразительной не по годам.

Я выломал доску, вынул оттуда гвозди и отдал ребенку:

- Ну, беги к своему храму.

И она побежала.

Я еще раз поискал взглядом рысь среди веток, но она ушла. Или спряталась. Что в любом случае означало – наше общение завершилось. И я пошел к машине – дома меня ждал выздоравливающий Зверь, который ел за двоих и жестко требовал каждодневную прогулку.

Я шел по осеннему лесу, а навстречу мне бежала девочка пяти-шести лет. Она покраснелась от бега. Обычный ребенок, но на меня она произвела странное впечатление: льняное платье с вышивкой крестиком, платочек на голове, с деревенским костюмом 19-го века спорили только современные босоножки. Обеими руками она прижимала к груди дощечку.

- Девочка, ты куда бежишь?

- Храм строить, - и она махнула головой в сторону звуков, которые я сначала принял за работу дятла.

«Даже у ребенка есть что-то для храма», - подумал я. Она словно прочла мои мысли:

- Дядя, там таких досочек много, целый ящик...

И указала куда-то за свою спину. Она перевела дух и поспешила дальше.

Я решил изменить направление и пошел

вслед за девочкой.

Я шел по осеннему лесу, а звуки «дятла» становились все ближе. Большие кусты были последним препятствием между мной и «красноголовым трудягой». Как тут пробирался ребенок?! Или есть другой путь? Я с усилием преодолел тесно сплетенные между собою ветки и вывалился на поляну. На невысокой стремянке, рядом с большим деревом, стучал молотком мужчина, одетый в домотканую льняную рубаху и такие же штаны. На его ногах были лапти, сплетенные из бересты. Было не понятно, что именно он сооружает, но по работе молотка чувствовалось – на века.

- Опа! – сказал я с наигранным удивлением. – А я думал, что дятел.

- А я думал, что волк, - сказал он недолго думая.

Я немного напрягся, но решил, что «волк» - не «козел», обижаться не на что. И

расслабился.

Внешность мужчины была колоритная, настоящий славянский мужик лет пятидесяти пяти. А в глазах – какая-то дедовская мудрость. Именно это вызывало желание обращаться к нему уважительно и просто – Дед.

- Что строишь, дед?

- Храм, просто ответил он.

- А мне можно? – поинтересовался я.

- Что?

- Храм строить?

- Строить – можно. А есть из чего? – и он прищурил глаза, глядя на мои пустые руки.

- Конечно, тут ящик недалеко бесхозный, из деревянных досок сбит, - быстро нашелся я.

- Так чего стоишь? Неси доски, - и он продолжил стучать молотком.

Я отправился в направлении, которое указала девочка. Благо, я хорошо ориентировался в лесу, и даже по взмаху руки

ребенка довольно быстро наткнулся на поляну, среди которой стоял деревянный ящик, а крышка от него валялась рядом. Одной доски уже не было – девочка унесла. Я приподнял ящик: его проще было тащить по земле, чем нести, но скорость движения замедлялась катастрофически. «Так и вечер наступит, пока дотяну», - подумал я. И решительно взвалил на себя свой вклад в строительство храма.

Смеркалось. По ощущению, я преодолел уже полпути, и решил отдохнуть. С ящиком на спине, я стал оглядываться в поисках приличного пня, не нашел, присмотрел небольшой бугорок из моха и сделал несколько шагов по направлению...

Уже через пару секунд я летел вниз, инстинктивно держась руками за ящик, который при падении должен был расколоться о мою голову или, что хуже, расколоть ее. Падение оказалось на

удивление мягким. Тело во время полета немного поменяло угол, и ящик упал рядом. На несколько секунд у меня перехватило дыхание, но быстро восстановилось. Первым делом я проверил сохранность конечностей: руки-ноги целы. Я поднял голову и даже присвистнул: минимум три этажа. Спасла размягченная осенними дождями земля и ворох сухих прелых листьев. Если кто-то вырыл ямку на зверя, то явно перестарался. Но спасибо, что кольев не наставил. От этой мысли меня передернуло.

Я попытался выбраться. Стены ямы были гладкими, но не твердыми. Земля отваливалась мягкими кусками. И вместо героического подъема я стал звать на помощь. Я орал в надежде, что дед, хотя и в возрасте, но со слухом у него все в порядке.

Не помню, сколько это длилось, но через некоторое время на краю моей новоявленной «тюрьмы» появилась девочка и закричала:

«Деда, он тут!» Пару минут, и на меня смотрели 2 пары глаз: мудрые - с прищуром и молодые - с любопытством.

- Мне бы лестницу, - как можно более спокойным голосом проговорил я, но с просящей интонацией.

- Лестницу строить надо, - наставительно произнес Дед.

- Из чего? – удивился я.

- Дядя, у тебя же досочки есть! – радостно напомнила мне девочка.

Я посмотрел на развалившийся ящик. Пожал плечами и спросил:

- А молоток с гвоздями дадите? И палки подлиннее... И веревку покрепче... - я уже думал над безопасной конструкцией.

- Жди, сейчас принесу, - серьезно сказал Дед и исчез из поля зрения.

Девочка смотрела на меня сверху. Я на нее – снизу. Наверное, это было необычно для ребенка – видеть взрослого внизу и такого

маленького. Или необычно для меня. Мое детство смотрело на меня с любопытством. А потом спросило:

- Дядя, а ты в чудеса веришь?

- Не очень, - ответил я честно. Я не хотел грузить ее рассуждениями, что чудеса мы делаем сами. А какое же это чудо, если сам запланировал, сам напрягся, сам сделал. Да, другие восторгаются: «Какое чудо! Ты творишь чудеса». А у самого от этого чуда мозоли на руках и лысина на голове. Одно название – «волшебник-трудяга»...

- А во что ты веришь? – не унимался ребенок.

Я сел на землю, уставился на разбитый ящик и захотел заснуть. Но не заснул, а впервые прямо задал себе этот вопрос: «Во что же я верю?» Потому что когда на него нет ответа, жить – тошно.

Из размышлений меня выдернул голос деда:

- Что, задала задачку тебе моя внучка?

Я только жалко улыбнулся в ответ.

Он крикнул: «Поберегись», - и сбросил мне в яму сверток с инструментами, а затем спустил туда несколько молодых тонких стволов. Мне было жаль дерева, но в оправдание я пообещал: когда выберусь, высадить деревьев в несколько раз больше, чем потрачу на лестницу.

Девочка спросила: «А долго лестницу строить?» - обращаясь не то ко мне, не то к деду.

- Ну, Иоанн Лествичник свою лестницу на небеса сорок лет мастерил.

- Деда, так ему ведь не на небеса, а на землю надо, - не унималась любознательная внучка.

- Ему чтобы на землю попасть, только через небеса дорога, - покачал головой Дед.

- А, может, хватит обо мне в третьем лице разговаривать? – я наигранно возмутился,

хотя мне нравилось, что они не уходят. Я был согласен даже на такую форму их присутствия.

Дед и внучка заглянули вниз. Теперь на меня смотрели моя старость и мое детство. И сочувствовали. Но сделать за меня ничего не могли, потому что делать надлежит сильным и взрослым. Пусть дети играют, а мудрые – наставляют и поддерживают. Я развернул сверток с инструментами и принялся за работу.

Ночь выдалась лунной, было достаточно света, поэтому на утро у меня были готовы три лестницы. Я еще не представлял, как именно скреплю их вместе, но был уверен, что вместе с Дедом мы что-нибудь придумаем. Я несколько раз отключался, однажды мне даже приснился короткий сон. Будто в яме со мной оказался волк и показал путь наверх через узкий лаз. Но я не воспользовался им. Почему-то во сне было важно не то, что я выберусь из этой ямы, а как. Волк исчез, а я проснулся.

Наутро к яме подошли Дед с внучкой и заглянули вниз. Естественно, я с легким нетерпением ждал их. Дед принес несколько мотков толстого каната. Он спустил мне концы, а я закрепил ими каждую из лестниц. Я поднимался по одной из них, а Дед сверху поднимал вторую. Как только первая закончилась, я перебрался на ту, что подтянул

Дед. Эта шаткая конструкция не внушала доверия, но я надеялся на разумность Деда и хороший крепеж сверху. То же самое мы проделали с третьей лестницей. Когда я оказался на земле, то от радости подхватил девочку и закружил ее высоко над собой. Она смеялась и болтала маленькими ножками, совсем как одна из моих дочек. Мне тут же захотелось увидеть их.

Я попрощался с Дедом и его внучкой и быстрым шагом направился на электричку с твердым решением поговорить с бывшей женой. Я оставил ей все – квартиру, шмотки, аппаратуру, но машину я хотел забрать себе. Теперь у меня появились силы сказать ей об этом. Тогда я легко бы снял квартиру, чтобы не возвращаться к матери. Это показалось мне разумным и справедливым.

Так я сделал по приезду в город. И уже через неделю обустроивался в новом жилище, перевезя туда нехитрые пожитки новоявленного холостяка – компьютер и книги. Я даже подумал завести собаку – помесь овчарки и лайки.

Вечером я вышел в интернет. Даже не глянул на почту, а сразу нажал на приглашение в чат. Хотелось просто поговорить, не важно, с кем. Глаза быстро пробежали список присутствующих – никого знакомого, ничего интересного. И вдруг в убегающих строчках разноцветных сообщений появилось следующее:

«Дикая, страстная, пушистая хищница. Ищу хищника с нежным сердцем и крепкими лапами. Обещаю свободную охоту, ласковые покусывания по ночам и детей по обоюдному желанию. Можно быть другой породы, но одной крови. Людей прошу не беспокоиться:

загрызу ненароком. Рысь».

Я опешил. А сообщение исчезло, подвигаемое ничего не значащими фразами усталых посетителей чата. Но через пару минут оно появилось вновь, как позывной в ночи. Я попытался прочитать ник – набор латинских букв без явной логики. Я начал быстро набирать ответ. Несколько раз удалял написанное, а потом просто напечатал свой e-mail. И отправил.

Заставил себя сходить на кухню и сделать чай, поправил полотенце возле умывальника, зашел в ванную и зачем-то побрился. А потом рванул к компьютеру и с бьющимся, как у зайца, сердцем открыл почту.

Новое письмо. Она. Никакого текста. Только фото глаз. Какие это были глаза! Большие, хищные, дикие! В них было обещание погони, борьбы, страсти и чего-то еще. Я уже где-то видел эти глаза, но не хотел вспоминать, где. Потому что больше всего

меня интересовал вопрос не о прошлом, а о будущем: «Мы встретимся?» - нажал я соответствующие клавиши и отправил по почте.

В течение минуты я получил утвердительный ответ в одно слово: «Встретимся».

«Где?» - краткий диалог в письмах одновременно забавлял меня и держал в напряжении.

«В Храме», - ее ответ выбил у меня почву из-под ног, вернее, ламинат, которым был уложен пол в моей квартире. Мой вопрос: «Когда?» - остался без ответа и, возможно, был расценен как лишний. Я сам ответил себе: «Завтра». И лег спать.

Глупо описывать дорогу к Храму – она у каждого своя. В этот раз я промчался по ней на бешеной скорости и ничего не заметил по пути.

Дед, как обычно, сидел под деревом.

- Она уже здесь? – в моем голосе было столько юношеского волнения, что я покраснел.

Дед непонимающе-вопросительно поднял на меня глаза.

- У меня тут встреча, попытался объяснить я свою предыдущую фразу.

- Пока никого, - ответил спокойно Дед.

- А можно я пока сам войду? Мне бы помолиться, вернее, попросить... или просто побыть, успокоиться... - я замялся, не зная, как выразить словами свое состояние.

Дед внимательно смотрел сквозь меня:

- Зайди.

- И что я увижу? – спросил я через плечо

прямо у двери в Храм.

- Каждый видит то, во что верит.

- Так во что верить-то, дед?

- Верь, во что хочешь. И делай, во что веришь.

Я вошел в Храм. И оказался в осеннем лесу. А я люблю осенний лес. Он пахнет сыростью, прелой листвой и грибами. И еще... здесь живет Рысь...

КАЧАНОВА

Наталья Анатольевна

- Кандидат психологических наук
- Специалист по интегративной психологии
- Писатель
- Создатель проекта «ДАО Женщины»
- Автор психофизической системы «ДАО Речного Бамбука»
- Автор дыхательной гимнастики «ЛОДКА» (5 видов) и вида для беременных «ПТИЦА»

www.kachanova.com

Здесь животные любят, как люди... А люди живут, как звери... И чтобы выбраться наверх, здесь нужно спуститься вниз.

Здесь сон – всего лишь продолжение дня, а замкнутое пространство – лучшее место для обретения свободы. Но даже если все меняется местами, то это никого не смущает. Потому что это – мелочи, а все заняты главным: они строят Храм. Из того, во что верят...

Читайте в серии «Метафорическая психология» книги Качановой Н.А.: «Храм», «Лифтер», «Отшельник», «Ведьма», «Ночь», «Белая сова», «Грань», «Шаман Ветра».

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОСЕННИЙ ЛЕС!

Качанова Н.А. является автором аудио и видео продукции психологической тематики:

- настройки для релаксации и энергизации,
 - дыхательные и медитативные практики,
 - психофизическая гимнастика «ДАО Речного Бамбука: статический вид, женский вид, динамический вид, парный вид, вид для беременных»,
 - дыхательная гимнастика «Лодка». Виды: «Классика», «Океан», «Волна», «Водоворот», «Острова».
 - художественные книги из серии «Метафорическая психология».
-

Опыт работы в психологической сфере более 15 лет (включая индивидуальную и групповую работу со взрослыми людьми).

Качанова Н.А. проводит выездные психологические интенсив-программы в России, Хорватии, Индии, Тайланде, Непале, Тибете, Америке.

ЗАКАЗ ПРОДУКЦИИ и ПОДРОБНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

e-mail: daoserg@gmail.com